

**БЕЗЫ
МЯН
ЛАГ**

А Н Д Р Е Й   О Л Е Х

**БЕЗЫ
МЯН
ДАГ**

УАЛ
УАН
ЕЕЗРІ

р о м а н

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-53

Оформление серии *Петра Петрова*

Олех, Андрей Юрьевич.

О-53   Безымянлаг : роман / Андрей Олех. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Претендент на
бестселлер!).

ISBN 978-5-699-91175-2

Это мрачная и захватывающая история о самом крупном лагере в СССР. В заледеневшей степи заключенные и вольнонаемные круглые сутки строят оборонный завод. Промозглым ноябрьским днем 1941 года молодой лейтенант НКВД Иван Неверов приезжает в Безымянлаг, чтобы провести проверку по анонимке — два лагерных начальника якобы не погибли в автокатастрофе, а были убиты. Лейтенанту не рады и стремятся его спровадить, но честный Неверов начинает собственное расследование. Таинственные смерти, нераскрытые преступления, холод, голод, неволя снаружи и внутри — становились ли они для заключенных и тех, кто их охранял, препятствием, можно ли было обрести свободу?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91175-2

© Олех А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

В конце ноября 1941 года на Безымянке было очень холодно. Самарка покрылась льдом, ветер гнал снежную крошку через замерзшую реку дальше через рельсы, где снег таял от слабого тепла сотни тысяч тел, от сухого пара машин и редких костров. Поезда выкидывали из покрытых инеем вагонов новых эков, продрогших в пути, и те мгновенно смешивались с прежними, рывшими землю, согревавшими ладони дыханьем, идущими плотными колоннами, без надежды и цели. В промерзших котлованах крутились маленькие вихри снежной пыли и уносились вверх, где стальные балки строек отдирали от тела плоть при малейшем прикосновении. Ветер свистел, обтекая трубу Безымянской ТЭЦ, и, слетая вниз, пробирал вохровцев через шинели, заставлял их поднимать воротники и тушил спички, поднесенные к папиросам. Их сторожевые собаки устали стоять, скулили и поджимали хвосты, но на землю сесть боялись. Влажный воздух делал мороз нестерпимым, и даже видевшие зиму в сибирских лагерях бойцы НКВД не знали, чем

спасти. Но и на этом ветер не останавливался, раскачивая тяжелую колючую проволоку, он перелетал через лагерные заборы, и его ледяные сквозняки проникали в щели штабов разных отделов, побеждая огонь печек и превращая чернила в лед.

Потом ветер затих. Зэкам, вольнонаемным, бригадирам, вохрам, врачам, водителям, поварам, инженерам, энкавдэшникам, начальникам штабов и районов удалось сделать короткий вдох, прежде чем Безымянка сделала выдох, и ветер полетел обратно тем же путем с еще большей силой, срывая с места и пригибая к земле все, что не могло ему сопротивляться.

Но двадцать девятого ноября после полудня стало еще холодней, и воздух проникал в горло, как бритва, а грязь превратилась в камень. «ГАЗ-61» ехал, подпрыгивая на обледеневшей колесе, не давая задремать.

— Как в яму катишься...

— Точно, яма, иначе и не скажешь, товарищ лейтенант, — ответил молоденький водитель.

Иван Андреевич открыл глаза и увидел кривую изрытую дорогу, уходящую далеко вниз. Среди голых деревьев и присыпанной снегом земли мерещился лишай строек, проплешины бараков, от них шел дым и пар, окрашивая небо в серый. Издалека ничего этого не было видно, а только угадывалось, сливаясь с шумом в невыспавшейся голове.

— А города оттуда не видно...

— Забыл, как обращаться к старшему по званию?

— Виноват, товарищ лейтенант, — замолк водитель.

Дорога спустилась к Безымянке, и панорама исчезла. Мелькали деревья, одинаковые, как повторяющаяся фраза. Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант. В октябре с проверкой сюда приезжал сам Берия, и после его визита никаких серьезных проблем остаться было не должно. От простого лейтенанта Неверова требуется решение несложного дела. И если все пройдет быстро и деликатно, если виновные будут найдены и наказаны, если, еще лучше, виновных не окажется, в Москве Ивана Андреевича будет ждать звание старшего лейтенанта госбезопасности. Если Москва еще будет. Если кто-то наверху не послал его на обреченное дело, в место без лица и без имени, искать тех, кого больше нет.

Нет, надо просто поесть и поспать. Всю ночь в холодном вагоне, с утра ни чая, ни еды не предложили. Куйбышев. Три часа искали машину, водитель сопливый, лицо сытое, чей-то родственник, иначе б на фронте сейчас баранку крутил.

— Как зовут, рядовой?

— Сергей, товарищ лейтенант.

— Часто сюда ездешь?

— Приходится, товарищ лейтенант, то начальство в Куйбышев, то из Москвы специалисты, вот как вы, приезжают...

— Далеко еще?

— Почти приехали, вон за тем поворотом штаб, товарищ лейтенант.

Двухэтажное здание, обитое неокрашенными темными досками, снег истоптан, пахнет свиньями, держат подсобное хозяйство, куриный помет, за штабом железная дорога, кусты летом ее закрывают. Дверь штаба открылась, и на пороге показался человек. Лысый, небрит, но лицо свежее. Ему, должно быть, лет под пятьдесят, а выглядит моложе. На начальника лагеря не похож, наверное, зам.

— Осматриваешься, товарищ лейтенант? Проходи, что на морозе стоять. Павел Александрович в Куйбышеве, разминулись вы с ним. Я его заместитель Геннадий Аркадьевич Чернецов.

— Разрешите доложить, товарищ майор, лейтенант госбезопасности Иван Неверов прибыл в исправительно-трудовой лагерь для...

— Успеешь доложиться для чего, тепло уходит. — Во взгляде насмешка, или глаза блестят от мороза.

В темной прихожей на стуле спал мужчина средних лет без знаков отличия, не военный. От него густо пахло махоркой.

— Дел море, жену сейчас позову, пусть тебя

расквартирует, не на один же день. Алла, товарищ из Москвы приехал, рассели лейтенанта, потом скажи Берензону, пусть ему расскажет, что надо. Вечером увидимся. Иван, правильно? Сережу у тебя забираю, на объект надо.

Глаза Ивана Неверова успели привыкнуть к полутьме прихожей, и серый свет из открытой двери неприятно резанул. Лейтенант ГБ часто заморгал и потер глаза кулаком. Неопознанный охранник даже не пошевелился.

— Спать хотите, не выспались в дороге, — заговорила неслышно подошедшая жена зама. — Вот сюда проходите, от двери подальше, хлопает, не уснешь, да тут и поезда все время ходят, с непривычки тяжело. Потом привыкаешь, ко всему привыкаешь.

Она вошла в комнату и засемила, ударившись, огибая кровать, открыть занавески с желтыми цветочками. За окном голые кусты раскачивались от ветра и задевали подоконник. Невысокая, располнела и не привыкла к этому, из-под платочка выбиваются черные волосы, глаза темные.

— Вы ж не Алла, Алия, наверное?

— Да. Муж так зовет. Чаю вам принесу, каша осталась, курица холодная. Вы располагайтесь, я вам сюда принесу.

Из коридора тянуло теплом, а в комнате было холодно. Иван Андреевич снял шинель и, не найдя, куда повесить, положил ее на стул,

сел на кровать, поставив портфель рядом. Пружинный матрас, скрипнув, просел, а прохладное одеяло под ладонью звало ко сну. Все чужое, как затхлый запах постельного белья в гостях у дальней родни.

— Ни стола, ни вешалки, я позже Витю попрошу вам мебель принести. Давайте сюда поставлю, на кровать пальто пока уберите. Холодное все уже, как покушаете, оставьте здесь на стуле, я унесу.

— А вы погибших знали?

— Каких?

— Начальника снабжения, зама его?

— А-а-а, Семку... Знала, конечно. Шустрый мужик был. Здесь всех узнаешь, живем все рядом. Говорят, на машине разбились, так здесь стройки сплошные, не такое случается, строить-то быстро товарищ Сталин велел. Мы и строим...

— А родственники у погибших были?

— Может, где и есть, здесь одни жили. Тут мало с семьями. Побегу ужин готовить.

— Да, спасибо, я поем, тарелку на стуле оставлю. Товарищ майор про какого-то Берензона говорил, пусть зайдет за мной, как готов будет.

— Витю попрошу Берензона найти.

Пусть мужу расскажет про вопросы, пусть знают, что со всех спросится. Иван Андреевич доел и, положив ноги на кровать, прилег. Пе-

ред закрытыми глазами стояла дорога, уходящая вниз. В его родной деревне Верхнее Аблязово не было таких ям, все ровное, отовсюду виден горизонт, так ему помнилось.

— Звали, товарищ лейтенант? — В открытую дверь заглядывал маленький щуплый еврей в заношенном пиджаке не по размеру и больших очках. — Если вы отдыхаете, я позже зайду.

— Нет, просто разморило с дороги.

— Тогда пойдемте в кабинет, там все бумаги. Вас что интересует: стройки или лагерь? Заключение, охрана, поставки, настроения, темпы?

— Снабжение.

— По снабжению — у них в канцелярии, у нас только документооборот, переписка со штабом. — Они поднялись на второй этаж, и спутник Неверова, достав из кармана большую связку ключей, безошибочно выбрав нужный, открыл дверь. — Вот здесь свет включается, садитесь за стол, сейчас все вам достану. Вам за последние месяцы, верно?

Иван Андреевич сел и, заметив тонкий слой пыли на крышке стола, смахнул его рукавом и чихнул.

— Ты кто вообще такой? — Берензон молча повернулся, держа в руках папки, застигнутый вопросом врасплох. — Должность у тебя какая?

— Никакая. Я никто. Помогаю при штабе.

— Не понял.

— Я заключенный, отбываю срок за мошенничество, был главным бухгалтером на заводе, начальство проворовалось, посадили меня.

— Не боишься мне такое рассказывать?

— Зачем врать, вы, если захотите, все сами узнаете. Мое дело с бумагами помогать, пока хорошо справляюсь, меня держат. Вот эти папки за последние месяцы, если надо раньше, придется в архиве брать, сегодня уже не получится. Поздно уже.

— Ты слышал, как начальник снабжения с замом погибли?

— Говорят, на машине разбились.

— Вот ты в документах понимаешь, у снабжения все в порядке?

— Нет, много проблем. С едой — больше всего, с зимней одеждой, с оборудованием вроде справляются, но это лучше у специалистов спросить, я плохо в этом разбираюсь.

— Может, у них враги были?

При этом слове Берензон вздрогнул.

— Ну кто снабжение любит? — попытался улыбнуться он, потом тем же бесцветным голосом пояснил: — Ругали многие, но враждебности со стороны сотрудников лагеря я не замечал.

— Ручку мне с бумагой принеси.

Берензон достал письменные принадлежности из ящика стола, и, когда выходил, доски

под ним не скрипели, как будто он ничего не весил.

Иван Андреевич не любил документы. В отличие от людей они его не боялись и непонятно когда ввали. Он просматривал письма с требованием хлеба, теплой одежды, лекарств, инструментов — и все это было понятно и одновременно неясно. Если снабжение ворует, а оно не может иначе, на бумаге этого не увидишь. Надо смотреть в лицо, на нем все написано. Хотя на лице Берензона ничего не было, кроме страха. Кто же написал анонимку в Москву? Кто утверждал, что смерть начальника снабжения не была случайной? Должны быть какие-то основания, ведь не каждой анонимке дают ход в следственном отделе. Документы Берензона этого не расскажут, как и он сам.

Иван Андреевич подошел к окну, выходящему во двор. За пыльными занавесками, за грязным стеклом с неба на землю стекали чернильные сумерки. Охранник без знаков отличия, спавший днем в коридоре, стоял посреди двора в одной гимнастерке и курил папиросу. Рядом с ним из ведра ела свинья. Выбросив окурочек, Витя присел рядом на корточки и потрепал ей загривок, как любимой собаке. Продолжая гладить ее, он сделал резкое движение правой рукой, и свинья, перевернув ведро, упала набок, дергая ногами в агонии. Витя вытер нож о ее бок и смотрел, как из разреза на шее стекает

кровь, неотличимая по цвету от грязи и наступившей ноябрьской ночи.

Иван Неверов раньше никогда такого не видел; из деревни его увезли в Пензу, когда ему было четыре. Отца он не знал, а мать забылась, оставшись в памяти далеким плачем. Он опять вспомнил ровный горизонт заснеженного поля в Верхнем Аблязове. Все, что осталось от его детства.

Дверь скрипнула, и Иван Андреевич обернулся. На пороге стояла невысокая девушка. Ее большие карие глаза изучали его внимательно и пристально. Темные волнистые волосы были тщательно уложены в прическу, губы чуть ухмылялись одним уголком. Улыбка медленно ползла вниз, превращаясь в кривую усмешку. Руки были скрещены на груди, а накладные плечи бордового платья сбились чуть вбок. Ивану Неверову показалось, что в комнате стало жарче.

— Папа попросил пригласить вас к ужину.

— Вы дочка Геннадия Аркадьевича?

— Ага, Зоя Чернецова. Вы к нам надолго?

— Пока не знаю. — Иван Андреевич чувствовал, как краснеет под этим взглядом, заволновался и провел вспотевшей ладонью по волосам.

— С комиссиями к нам часто ездят, а вот в штабе селятся редко. Надеюсь, у нас будет время узнать друг друга. — Снова эта улыбка, и юбка чуть качнулась в сторону вслед за бедрами.

— А что это за охранник у вас в прихожей? —
Надо было завладеть разговором.

— Витя, что ль? А, зэк. Его папа отмазал,
дальний родственник вроде.

— И вы так просто мне об этом рассказываете?

— А чего такого? Спускайтесь через час, хочу
познакомиться поближе.

И не закрыв дверь, пошла по коридору.

Иван Андреевич, опустив глаза, несколько минут складывал документы в папки, нарушая строгий порядок дат и разделов. Взяв стопку, подошел к шкафу. В стеклянной дверце отразилось круглое лицо с близко посаженными глазами, большими залысинами и не по возрасту редкими волосами. Лейтенант ГБ, такой же, как все. Но еще немного усилий — и он войдет в старший командный состав. Когда один прямоугольник сменится на два, лысина придаст солидности. Когда два прямоугольника превратятся в три, можно спрятать глаза за очками в тонкой стальной оправе, и немногие смогут смотреть в них, не отводя взгляд. А когда прямоугольники на петлицах станут ромбом, можно забыть, как ты выглядишь, потому что, глядя на тебя, люди увидят только свой страх.

Познакомиться поближе. Даже имя не спросила. Никто не хотел знакомиться с Иваном Неверовым поближе. Он сам не хотел. Без жены